

УДК 929

Памяти удивительного педагога: Никита Леонтьевич Чемезов

Последние годы жизни

Каждый раз, когда я думаю об этом человеке, в моем сердце рождается трепетное чувство благодарности. Вряд ли кто-либо другой, кроме родителей, смог оказать на меня в раннем детстве такое сильное влияние. И это не только потому, что моя мама всегда с благоговением говорила о нем. Ей ли было забыть, как в 30-е годы Никита Леонтьевич Чемезов, профессор Харьковской консерватории, своей бесконечной добротой обладал рано осиротевшую девочку, открыл у нее голос, подарил уроки вокала и на всю жизнь зародил в ее душе любовь к классической музыке и к оперному искусству. Несмотря на войну, она, единственная, хранила его фотографии.

В 1944 году мама с двумя маленькими детьми возвратилась из эвакуации в освобожденный Харьков. Жить было негде, и Чемезовы приютили нас во флигеле во дворе своего дома по улице Чернышевского, 41, куда позже вернулся с фронта и мой отец. Атмосфера двора этого дома была особенной. Кругом еще стояли разрушенные дома, пленные немцы, восстанавливающие здания, еще ходили колоннами по улицам, «цокая» своими ботинками по мостовой. А дом Чемезова в самом центре города стоял целехонек, двор был вымощен светло-желтой плиткой, что было тог-

да редкостью, весной здесь всегда цвела нежная сирень. А главное — в теплые дни окна гостиной Чемезовых распахивались, и из дома лилась завораживающая музыка. Играли на фортепиано и пели гости, а иногда и сам хозяин (по воспоминаниям мамы, Никита Леонтьевич очень любил исполнять арию Мельника из оперы А.С. Даргомыжского по драматической поэме А.С. Пушкина). До войны здесь бывал и студент Михаил Грушко, будущий

оперный певец, впоследствии переехавший в Киев. Из известных деятелей искусства в 30-е годы Никита Леонтьевич хорошо знал и, естественно, общался с Н.М. Форрегером — режиссером Харьковского оперного театра.

Мы, дети, играли во дворе в спортивные игры с мячом, устраивали театр на стульях, зимой катались на коньках (родители заливали каток возле хозяйственных построек). И всегда вслушивались в льющиеся из дома звуки музыки. Это был чарующий мир. Мы понимали, что Никита Леонтьевич — особенный человек, что он среди жильцов — главная фигура. Он любил детей, мы это чувствовали и радовались, когда он брал нас с собой на прогулку в сад имени Т.Г. Шевченко с великолепным памятником поэту. Нельзя не сказать, что сад был обширный,

свободный от сегодняшних «торговых точек» и строений, лишенных архитектурного облика, — он был по-столичному красив, отлично ухожен и даже в первые послевоенные годы оставался неповторимой зеленой жемчужиной — гордостью харьковчан.

Никита Леонтьевич, будучи уже пожилым человеком, шел медленной походкой, а когда уставал, раскладывал свою ковиньку, отдыхал на стульчике и беседовал с нами. До сих пор вижу перед собой его добрые внимательные глаза и легкую мягкую улыбку на его лице.

И гря во дворе (во флигеле было четверо детей), мы были свидетелями повседневной жизни Чемезовых. В доме кроме профессора жили его жена Любовь Николаевна, ее сестра Ольга Николаевна, племянница с дочерью и другие родственники. После завтрака Ольга Николаевна выходила из дома с подушечкой, усаживалась на крыльцо и читала до тех пор, пока ни раздавался голос хлопотавшей по хозяйству Любви Николаевны: «Оля, обедать!» Тогда чтение прерывалось, и после обеда все отдыхали в доме. Никита Леонтьевич был благородным человеком и содержал обеих сестер.

Только в начале 80-х годов, когда в Москве вышла книга К.И. Шульженко «Когда вы спросите меня...», я неожиданно для себя узнала и не удивилась тому, что Н.Л. Чемезов был учителем выдающейся советской артистки. Клавдия Ивановна Шульженко, тогда уже известная эстрадная певица и любимица миллионов людей, дважды в этой книге вспоминает о

нем. Я даже оставила для себя выписку.

«Родители, заметив мои музыкальные способности, — рассказывает она, — определили меня к профессору Харьковской консерватории Никите Леонтьевичу Чемезову, удивительному педагогу и добрейшему человеку. Он занимался со мной нотной грамотой и исподволь обучал пению. «Ты счастливая, — говорил он, — у тебя голос поставлен от природы, тебе нужно только развивать и совершенствовать его».

Когда Никиты Леонтьевича не стало, в нашем дворе больше не звучала музыка, и нам теперь так ее недоставало. Однако, как показала жизнь, «эффект Чемезова» не исчезал. Моя соседка по флигелю Надя (Надежда Дмитриевна Смелянская), которая на год моложе меня, вспоминает, я как старшая в 11 лет водила ее в театр на оперу Э.Ф.Направника «Дубровский», когда мы в школе изучали Пушкина.

Вскоре мой отец, заслуженный фронтовик, получил квартиру, и мы переехали в другой район. Но воспоминания не покидали детскую душу. Мне очень хотелось научиться играть на фортепиано, а инструмента не было. Тогда чуткие родители где-то достали наушники, и поздними вечерами, никому не мешая, я прослушивала все оперы, которые транслировали из Большого театра, оперу «Евгений Онегин» я знала почти наизусть.

И сейчас, когда после 23 часов по украинскому радио идут десятиминутные передачи классической музыки, — для меня это счастливые мгновенья. И этому счастью я обязана Никите Леонтьевичу.

Людмила Гаврилова,
редактор издательства.
20.06.2012